

Формирование идеи христианского единства: Чарльз Brent и декларация Учредительной Ассамблеи ВСЦ

Реформация возникла в эпоху ренессанса-гуманизма. Основной богословской идеей Реформации считается *личная ответственность* человека перед Богом и миром. Однако аспект веры в рамках личной ответственности каждого человека — это лишь только один из многих аспектов спасения. Фокус на личной вере человека может привести и к принижению значения принадлежности к историческому континууму единой Церкви Христа. Реформация в этом смысле может послужить не только положительным примером духовного возрождения, но также и свидетельством ещё одного раскола в истории христианства, теперь уже внутри Римско-Католической Церкви. Однако следует обратить внимание на тот факт, что именно из протестантской среды была инициирована современная экуменическая идея поиска христианского единства. Главная идея Реформации, а именно *личная ответственность* человека перед Богом и миром послужила отправной точкой для движения объединения христиан в глобальном масштабе.

Возникновение движения объединения христиан в начале XX века является примером личной инициативы отдельных лиц. Мысль о необходимости объединения христиан была связана не столько с созданием единого института новой видимой Церкви Христа, сколько с ответственностью христиан за единство Церкви Христовой перед лицом всего мира. Именно на этой почве и формировалась идея единства христиан.

Чарльз Brent и основание Движения по вопросам веры и церковного устройства (Faith and Order)

◆ Чарльз Brent родился 9 апреля 1862 года в Ньюкастле (Канада). В 1901 году он был посвящён на служение миссионерским епископом Протестантской Епископальной Церкви в США (независимая Англиканская церковь в США). Чарльз Brent был назначен Епископом на Филиппины. Филиппины к этому времени отошли под владение США вследствие американо-испанской войны 1898-99 гг. Испанское правление оставило после себя католическое влияние. Brent, в отличие от нахлынувших на острова американских миссионеров из реформаторской среды, не обращал католиков в протестантскую веру, но направил свои усилия на нехристианские этнические группы.^[1] Несмотря на то, что Brent видел случаи аморального поведения католических священников, он всё же считал Рим неотъемлемой частью Церкви Христа.^[2] Brent всегда реши-

тельно выступал против открытой критики римско-католических клириков со стороны протестантских миссионеров. Он стремился к взаимодействию на миссионерском поле. Однако его мысли не останавливались только на миссионерском сотрудничестве. Мечта Brent была устремлена за барьеры, разделяющие христиан, к уважительному отношению к другим христианским традициям и взаимопониманию конфессиональных вероучений. Brent мечтал о синтезе сильных сторон отдельных конфессий. Он считал, например, что сильная ритуальная сторона римской церкви и серьёзное отношение протестантов к Слову Божьему — это как раз то, в чем нуждаются люди на Филиппинах. С этим багажом мыслей и миссионерского опыта Brent отправляется на миссионерскую конференцию в Эдинбурге в 1910 г.

Однако Brent настроен пессимистически. Он даже не верил, что христианское единство может быть возможным в необозримом будущем. На конференции он переживает сильное внутреннее потрясение, причиной которому был опыт общения представителей различных конфессий. Убедившись в том, что христиане в состоянии общаться друг с другом, Brent загорается идеей единства церкви. Вот как Brent интерпретирует свои переживания во время миссионерской конференции в Эдинбурге: «Я преображён. Я пережил то, что реально действует и не исходит от людей. Это был Дух Бога, который подготавливает новую эру в истории христианства».^[3]

^[1] Stephen C. Neill/Michael Wölte, Brent Charles Henry (1862–1929) in: *Theologische Realenzyklopädie, Band VII*, 169.

^[2] По словам биографа Чарльза Brenta Алесандра Забирски, Brent говорил, что

«уши филиппинцев чище чем уста их священнослужителей», (Alexander C. Zabriskie, *Bishop Brent. Crusade for Unity*. Philadelphia: The Westminster Press. 1948, 144).

^[3] «I went and was converted. I learned that

Преображённый из скептика в оптимиста, Brent всё же остаётся неудовлетворённым работой конференции. Он считает, что мало говорить только о миссионерском сотрудничестве церквей, избегая диспутов о трудных вопросах, которые разделяют церкви. Несмотря на свою неудовлетворённость поверхностным подходом к диалогу между христианами, он всё же видит ценность такой встрече на примере дня Пятидесятницы: «Это было необходимо, чтобы эти люди предстали пред Духом Божиим вместе, чтобы Он открыл их духовному взору совершенное видение единства»^[4] Таким образом Brent связывает пневматологию с экклесиологией, привязывая обе темы к эсхатологии, а именно, он мыслит от будущего, исходя из конечной цели бытия — единства.

В чём Brent видит главную цель объединения церквей? Он уверен, что народы не будут обращены без объединения христиан.^[5] Для Brentа единство Церкви является главным условием её миссионерской деятельности. Brent был человеком своей эпохи и мыслил глобально; он считал, что через единство всех христиан Христос будет явлен язычникам во всей своей целостности: «... без единого христианства не может быть того понимания Христа, которое может достичь китайцев и японцев».^[6]

В проповеди «О реализации христианского единства» Чарльз Brent приводит пример из своего миссионерского

there was something working that was not of man in that World Conference; that the Spirit of God was manifesting Himself with new power and so far as I could see He was preparing for a new era in the history of Christianity», — здесь и далее перевод наш — А.С. Zabriskie, *Bishop Brent*, 145; Charles Henry Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others*. New York: Longmans, Greeb and Co. 1915, 57.

^[4] «It was necessary that these men should get

Чарльз Генри Brent (1862–1929)

кого опыта относительно феномена сектантства, когда разделение по признаку названия миссии являлось помехой для миссионерского служения:

«Сотни миссионерских обществ в Китае самоубийственны для христианства так же, как разделения в гражданском обществе самоубийственны для мира и благополучия нации. Восток восстаёт сегодня не против христианства как такового, а против разделённого христианства; не против иностранцев в политике или религии, а против доминирования иностранцев.»^[7]

together before the Spirit of God could bring their spiritual sight the complet vision of unity.» (Charles Bent, *The Inspiration of Responsibility and Others*, 82.)

^[5] Cp. Charles Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others*, 79.

^[6] «Moreover, without a unified Christianity there cannot be that interpretation of Christ that ought to come from such people as the Chinese and the Japanese». Там же.

Эта мысль — что без единства христиан мир не обратится к Богу — составляет центральную идею единения христиан: «Только через единство мир может уверовать, что Отец послал Иисуса Христа, чтобы отрыть Себя всему человечеству. Единство — это необходимое условие исполнения

Центр мышления Брента — это Христос. Вопрос единства христиан — это не стратегия людей, а воля и пример Христа. Он пишет:

«Призыв Христа к единству приковывает нас. То, что Он сказал однажды, будучи во плоти, Он повторяет сейчас через обитающий в нас

Мысль о необходимости объединения христиан была связана не столько с созданием единого института новой видимой Церкви Христа, сколько с ответственностью христиан за единство Церкви Христовой перед лицом всего мира. Именно на этой почве и формировалась идея единства христиан.

Божьей миссии к человечеству. И в этом уверен всякий, кто принимает Иисуса Христа как Господа и Спасителя».^[8]

Брент ссылается при этом на заповедь Христа Ин 17, 22-23: «Я в них, а Ты — во Мне. Пусть же они будут в совершенном единстве, чтобы мир узнал, что Ты послал Меня и что Ты полюбил их, как и Меня.»

Брент выстраивает богословскую аргументацию вопроса о единстве христиан, отталкиваясь от Христологии. Он ссылается на факт Боговоплощения Иисуса, ведь боговоплощение означает близость, а не отдалённость.

Дух. Общая нужда в единстве изложена Им в притче: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».^[9]

Брент открывает для себя сущность Церкви, а именно что Церковь неразделяема. Поскольку Церковь Христа неделима и невидима (здесь Брент верен своей реформаторской традиции), то путь к объединению Церкви не в *воссоединении* разрозненных церквей, а в *реализации* христианского единства. Свет, сила и жизнь будут исходить из всей целой Церкви, а не из одной из её групп.

^[7] «The hundred missionary societies in China today are as suicidal for Christianity as the civil divisions are to her national peace and prosperity. The Christian orient today is in just revolt not against Christianity but against divided Christianity, not against foreigners, either in politics or religion, but against the domination of foreigner.» Charles Brent, «The Call to Unity. The late Charles H. Brent,» The Ecumenical Review. Volume 29, Issue 2 April 1977, 162-166, 164. Cp. Charles Bent, The Inspiration of Responsibility and Others, 78.

^[8] «Through unity alone can the world believe and know that the Father has sent Jesus

Christ to reveal Him to the whole human race. It stands as the unalterable condition on which He can fulfil his mission to man-kind. This no one doubts who accepts Jesus Christ as Lord and Savior.» Charles Brent, «The Call to Unity,» 162.

^[9] «It is the call of Christ which arrests us. What He said then with human voice He repeats now through his indwelling Spirit. The general need of unity is set down by him in a proverbial saying — “Every kingdom divided against itself is brought to desolation; every city or house divided against itself shall not stand”.» Charles Brent, «The Call to Unity,» 163.

Брент мыслит категориями действенности Церкви в её влиянии на мир. Он основывает своё мнение на принципе *кафоличности* Церкви в смысле её полноты. Что это означает? Это означает, что в каждой конфессии есть элементы полноты всей Церкви.^[10] Все эти элементы несут в себе силу и потенциал одной единой Церкви. Чем больше мы придаём им жизни, тем больше жизни в нас, утверждает он.^[11] Единство церкви и её неделимой истины отображается в христианском разнообразии: полнота церкви выражается в её разнообразии. Единство в многообразии – так Брент понимает единство христиан. Следует отметить, что в этом представлении есть, конечно, доля влияния англиканской экклесиологии, которая предполагает общность разнообразных церквей.

Чарльз Генри Брент, епископ
Епископальной Церкви западного Нью-Йорка.

Брент предлагает создать синтез теологических тем, которые стали причиной разделений церкви. Однако для этого нужно открыть для себя то, во что верят другие и почему они так верят.^[12] Брент за то, чтобы обнаружить в каждой конфессии её сильные стороны и специфические теологические характеристики. Он призывает оставаться при своих убеждениях, однако использовать их деликатно, в качестве инструментов, благодаря которым создается новая красота храма живого Бога. Согласно Бренту не следует использовать свои убежде-

ния в качестве «дубины, которая убивает людей других убеждений».^[13] В его подходе заложен принцип диалога: Он утверждает, что наши главные конфессиональные ценности раскрываются в действии, когда мы накладываем их (*laid over*) на ценности других.^[14] Но диалог должен быть искренним и предметным, то есть лишённым пассионарности и агрессивности. Достижение единства христиан должно исходить из сердца. Бренту чужды тактические ходы, которые скорее вредят единению. Он думает о порыве сердец:

^[10] Cp. Charles Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others Realization of Christian Unity*, 89.

^[11] Cp. там же.

^[12] Charles Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others*, 84.

^[13] Cp. Charles Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others*, 91.

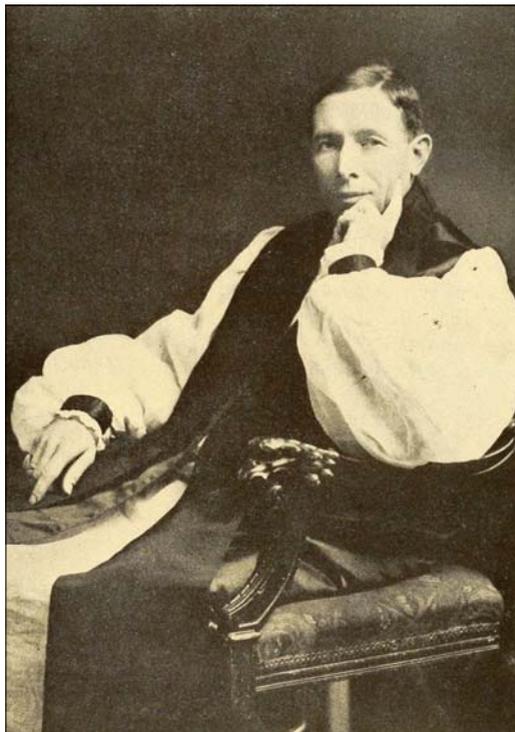
^[14] Там же, 83.

«И снова о путях установления близости с Иисусом Христом, ведь это наша главная цель, не так ли? Мы не смеем говорить об исключительности таинств, мистики или интеллекта. Христос приходит в сердце человека различными путями».^[15] «Давайте держать единство целью нашего сердца и смотреть на христиан всякого исповедания как на братьев. Ведь именно через практику единства мы, наконец, достигнем единства»^[16] — то есть — единение начинается с внутреннего настроя, уважать другие церкви как Христовые.^[17]

Брент выступает за открытый диспут в вопросах веры и устройства церкви. В том же 1910 г.он обращается к Генеральной Конвенции Епископальной Церкви в Цинцинати (США) с просьбой организовать межконфессиональную конференцию по догматическим особенностям различных конфессий. Брент пишет в своём дневнике, что эта идея посетила его во время молитвы перед утренней Евхаристией на конвенции в Цинцинати (1910), и таким образом, одно из величайших событий в истории христианства было рождено в молитве, в молитве одного человека.^[18] И здесь снова просматривается главная черта протестантизма — личная инициатива веры одного человека.

Даже продвижение идеи Брента осуществлялась в какой-то мере благодаря практике протестантизма — священства всех. Его предложение было

^[15] «Again as to the means of establishing intimate relationship with Jesus Christ, for that is our chief quest and goal, is it not? We dare not be exclusive in sacramental, in mystical, or in intellectual modes of approach. Christ's agile feet journey to the human heart along many and diverse paths.» Charles Brent, „The Call to Unity,” 166.

Преподобный Чарльз Генри Брент, Первый епископ Миссионерского района Филиппинских островов (1901–1917); 4-й епископ Западного Нью-Йорка (1918–1929).

принято в палате депутатов Генеральной Конвенции, в которой присутствовали миряне. Так возникло Движение веры и церковного устройства (Faith and Order). Первая всемирная конференция Движения веры и церковного устройства прошла в Лозанне в 1927 году. Брент был сердцем и головой этого движения. Его идея была изначально инициативой одного человека, которому помогли вовсе не клирики богословы, а прихожане. Близкий друг Брента адвокат Роберт Халовел Гардинер оказал Бренту силь-

^[16] «Let us keep the purpose of unity firm in our hearts and look on all Christians of whatever name as brothers beloved. It is thus that, by practising unity, we shall gain unity.» Там же.

^[17] Cp. Charles Brent, *The Inspiration of Responsibility and Others*, 88.

^[18] Zabriskie, *Bishop Brent* 147.

ную поддержку. Забриски пишет: «Как союз закона и пророков создавал общество Израиля, так юрист Гарднер работал с пророком Brentом над созданием единства церкви.»^[19] Своей уверенностью и убежденностью Brent так впечатлил Джона Пирпонта Моргана, что тот пожертвовал на проект Brentа 100.000 долларов. Можно сказать, что идея возникновения Конференции по вопросам веры и церковного устройства — это внутреннее пылкое побуждение одного человека, которого окружали его единомышленники, главным образом люди, лишённые каких-либо корыстных интересов в экуменическом движении. Brent ездил по Европе, в Ватикан, искал связь с православными, в частности с епископом Платоном из Москвы.^[20]

Через два года после начала работы Конференции по вопросам веры и устройства церкви, 1929 г. сердце Brentа остановилось. Вот что пишет Забриски о жизненном труде Brentа:

«Епископ никогда не был и не заявлял о себе, как о академическом богослове. Он обладал скорее пророческим даром, способностью проникать взглядом в намерение Бога, человеческую природу и реалии актуальной ситуации, показывать шаги, необходимые для достижения состояния истинной церкви, справедливого порядка в обществе, но также и извлекать уроки из допущенных промахов».^[21]

^[19] Свободный перевод, *Zabriskie, Bishop Brent*, 149.

^[20] Ср. Günter Gloede (Hrsg.), *Ökumenische Profile. Brückenbauer der einen Kirche*. Stuttgart: Evang. Missionsverlag GmbH 1961, 187.

^[21] Свободный перевод. *Zabriskie, Bishop Brent*, 187.

^[22] William Robinson, "Evaluation of Amsterdam", *The Shane Quarterly*. Volume IX 1948, 20.

Учредительная Ассамблея Всемирного Совета Церквей

◆ Следующий пример добрых начинаний единения христиан, инициированного из протестантской среды — это тексты совместных декларации Учредительной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) в Амстердаме в 1948 году. Изначально проведение Первой Ассамблеи ВСЦ планировалось в 1941 году, однако этому помешала вторая мировая война. Интересно, что как Первая мировая война стала на пути развития в случае с Движением веры и церковного устройства, так и Вторая мировая война помешала созыву ассамблеи Всемирного Совета Церквей.

Несмотря на отсутствие официальных представителей Римско-Католической Церкви и представителей Московского Патриархата, ассамблея собрала не только представителей протестантизма, но также и других конфессий: Православные Церкви Греции, Египта, Русской Заграничной Православной Церкви, Сирийской Православной Церкви в Индии, представители Старокатолических церквей.^[22]

И в этом случае инициаторами были не институты церкви, а личности подвижники:

Карл Барт,
 Чарльз Додд,
 Виссер Хуфт (Visser't Hooft),
 Дональд Бейли (Donald Baillie),
 Ньютон Флю (Newton Flew),
 Георгий Флоровский,
 Клэрэнс Крейг (Clarence Craig),
 Майкл Рамсей (Michael Ramsay),
 Андерс Нигрен (Anders Nygren),
 Мартин Неймёллер (Martin Neimoeller),
 Эмиль Клавир (Emile Clavier),
 Эвер Дево (Everett Devadutt),

Е. Garrison,
 Эмиль Брюннер,
 Рейнхольд Нибур.

Работа Ассамблеи проходила под темой «Человеческий беспорядок и замысел Божий» и была разделена на четыре тематические секции:

1. Церковь в Божьем плане спасения;
2. Церковь свидетельствует о Божьем плане спасения;
3. Церковь и упразднение общественного порядка;
4. Церковь и интернациональный беспорядок».^[23]

Мы осветим работу первых двух секций ассамблеи.

Церковь в Божьем плане спасения

♦ Уильям Робинсон (William Robinson), один из участников работы секции, вспоминал, что трудно было найти подобную разнородную группу, которая когда-либо встречалась на одном месте.^[24] А по свидетельству Виссерта Хуфта, в секцию входили именитые богословы, которые больше предпочитали монологи, чем сотрудничество с представителями других церквей.^[25]

Тем не менее, заключительные тексты секции являются совместными выражениями общих ценностей, представлений о единстве христиан и видении первоочередных задач церкви. Следует отметить, что ассамблея состоялась

в непосредственной близости ко времени окончания второй мировой войны. Европа ещё не залечила свои раны, а некоторые участники конференции были участниками боевых действий и не понаслышке знали об ужасе войны: многие были по разные стороны линий фронта и членами Сопротивления; епископ Лилье из Ганновера был узником концлагеря и едва избежал расстрела. Тексты ассамблеи несут в себе решительность, надежду и желание возрождения мира во свете спасения.

Текст первой секции является коллективной исповедью и открытым признанием взаимного непонимания и вражды:

«Мы представляем церкви, которые долгое время не понимали, не уважали и ошибочно толковали друг друга. Мы представляем страны, которые часто воевали друг с другом. Мы грешные люди и наследники грехов наших отцов. Мы не заслуживаем благословения Бога, дарованного нам».^[26]

Путь к единству состоит в том, чтобы совместно искать Церковь — Церковь, которая является даром Бога и имеет единую главу и Господа.^[27] Только во свете такого подхода к единству христиане в состоянии увидеть внутренние различия и любить друг друга. Главная же причина различий состоит в том, утверждает в тексте, что на церковь как одно целое смотрят с двух несовместимых точек зрения: это

^[23] Focko Lüpsen (Hrsg.), *Amsterdamer Dokumente. Berichte und Reden auf der Weltkirchenkonferenz in Amsterdam 1948*. Erstes Beiheft zu der Halbmonatsschrift. Evangelische Welt. Bethel bei Bielefeld: Ev. Presseverb. für Westfalen und Lippe 1948.

^[24] Robinson, 22.

^[25] Visser't Hooft, «Karl Barth and the Ecumenical Movement», *The Ecumenical Review*, 32 no. 2 (Apr 1980): 129-151, 144.

^[26] Собственный перевод. Оригинал: «Wir kommen aus christlichen Kirchen, die einander lange gegenseitig mißverstanden, nicht beachtet und unzutreffend dargestellt haben; wir kommen von Ländern, die sich oft bekämpft haben; wir alle sind sündige Menschen und Erben der Sünden unserer Väter. Wir verdienen den Segen nicht, den Gott uns gegeben hat.» Lüpsen, 27.

^[27] Там же, 27.

Учредительная генеральная ассамблея Всемирного совета церквей (ВСП) в Амстердаме (22.08–4.09 1948 г.). Генсеком избран Виссерт Хуфт. Почетный председатель – Джон Мотт.

кафоличная и протестантская парадигмы.^[28] Католики и православные придерживаются кафоличной (т.е. «вселенская») парадигмы, которая основывается на видимом континууме церкви в апостольской преемственности; протестантская парадигма основана на инициативе Слова Божьего и ответе веры.^[29]

Совместное видение сущности церкви было задекларировано следующим образом:

«Мы верим, что церковь является Божьим даром человечеству, данно-му во спасение мира. Спасительный труд Бога через Иисуса Христа

^[28] Там же, 28. Кафоличность не употребляется в качестве принадлежности к определенной конфессии, в данном случае, к Римско-Католической церкви.

^[29] Там же, 29.

^[30] «„Wir alle glauben, dass die Kirche Gottes Gabe an die Menschen zur Erlösung der Welt ist, dass die Erlösungstat Gottes in Jesus Christus die Kirche begründet hat und dass die

даёт основание церкви. Церковь живёт в истории благодаря силе и присутствию Святого Духа. В рамках этого согласия мы готовы в послушании Богу глубже понять наши различия и найти возможности для их преодоления».^[30]

Относительно миссии церкви заявляется, что церковь призвана служить Богу в Его Святости и проповедовать Евангелие всему Творению. Церковь получила от Бога различные дары Духа Святого для построения Его тела. Церковь была избрана и освящена, чтобы жить в служении человечеству в вере и любви через силу распя-

Kirche durch die Gegenwart und Kraft des Heiligen Geistes im Fortgang der Geschichte am Leben erhalten wird. Im Raum dieser Übereinstimmung möchten wir im Gehorsam gegen Gott fortfahren, zu einem tieferen Verständnis unserer Unterschiede und damit zu einer Möglichkeit ihrer Überwindung vordringen.“». Там же, 30.

того и воскресшего Господа согласно Его примеру.^[31]

Ввиду различия конфессиональных экклесиологий такая совместная формулировка сущности церкви как дара Бога во искупления мира представляется теологически важной,

Понимание Церкви как дара человечеству выходит за рамки традиционного внутреннего дискурса отдельных конфессий и открывает перспективу для совместной деятельности различных конфессий.

поскольку понимание Церкви как дара человечеству выходит за рамки традиционного внутреннего дискурса отдельных конфессий и открывает перспективу для совместной деятельности различных конфессий.

Эти согласия раскрывают консенсус понимания сущности и задачи церкви. О Церкви не говорится как содружестве церквей: есть только одна Церковь Христа. Мысль о единстве Церкви исходит не из политических соображений, а из понимания того факта, что у Бога есть только одна Церковь, однако в пространстве и времени она не явлена в единстве.

Поэтому главный мотив стремления к единству церкви заключён в понимании того, что разделение Церкви на

множество церквей противоречит воли Бога.^[32] Гипотетически, такое понимание мотива единения Церкви может разделять любая конфессия; по крайней мере, это понимание может послужить толчком для размышления над ролью и местом христианского единства в деле спасения мира.

В тексте первой секции также подчёркивается роль греха в разделении церквей и необходимость покаяния:

«Грех — главная причина того, что зло мира так глубоко приникло в церкви, что в них преобладают мирские масштабы суждения, классовые различия ... Церкви угрожает опасность, превратиться в бессильную, и потому в бездейственную соль».^[33]

В последнем предложении просматривается взаимосвязь между христианским единством и влиянием Церкви Христа на мир. В тезисах первой секции ассамблеи явно просматривается идея церкви как нового человечества, открывающего всеми миру цель и смысл спасения. Такое целенаправленное понимание церкви открывает её эсхатологическую сущность. В свете эсхатологической перспективы церкви текст признаёт, что церкви, к глубокому сожалению, больше сконцентрированы на внутрицерковных делах вместо того, чтобы исполнить свою миссию в мире.^[34]

О Церкви говорится с объективно-глобальной точки зрения, а именно в контексте замысла спасения челове-

Einheit, die es uns unmöglich macht, einander zu vergessen oder uns mit einzelnen Übereinstimmungen in Glaubensfragen zufrieden zu geben, während wir uns in anderen noch unversöhnt gegenüberstehen.“ Там же, 32.

^[31] Ср. Там же, 31.

^[32] „Obwohl wir uns nicht ganz einigen können, erlaubt uns unser Herr nicht, dass wir uns trennen. Wir können einander nicht aus dem Auge verlieren, denn gerade das Gewicht unserer Unterschiede ist uns auch ein Zeugnis für eine gemeinsame Erkenntnis, die er uns geschenkt hat. Der Leib Christi ist eine

^[33] Ср. Там же, 34.

^[34] Ср. Там же, 34.

чества. В свете этой глобальной цели спасения открываются разногласия церковей относительно субъективного аспекта спасения в жизни церкви и человека. Осознание необходимости обновления отношения субъективной стороны спасения выразилось в молитве: «Мы молимся об обновлении церковей, молясь о их единстве. Если Христос нас очистит Своим Духом, мы поймём, что мы водимы к единству и что не будет движения к единству, если не будет единства в истине и святости».^[35]

В заключении текста первой секции даётся объяснение необходимости создания Всемирного Совета Церквей: «Всемирный Совет Церквей возник, потому что мы познали в нашем Господе Иисусе Христе нашу взаимную ответственность за наши церкви. Есть только один Господь и одно Тело, поэтому мы не имеем права успокаиваться на наших разделениях».^[36]

Однако такое понимание церкви, несмотря на его глобальный масштаб, требует осмысления в традициях тех христианских движений, в которых отсутствует самосознание церкви как исторического континуума. Эта одна из причин, почему даже сама идея экуменизма вызывает недоверие среди таких например антицерковных (в мысли таких исторических институтов как Римско-Католическая или лютеранские церкви) обновленческих

движений христиан традиции внутри протестантизма как анабаптизм, баптизм, движение пятидесятников. Также такое недоверие связано с недостаточно исследованной или с ещё несостоявшейся эклесиологией в традиции независимых христианских движений в частности в традиции радикальной Реформации.

В связи с темой первой секции необходимо упомянуть выступление Карла Барта, которое открыло работу ассамблеи.^[37] Ценность этого выступления не только в его историчности как документа, но первую очередь в свидетельстве личного участия и пассивности отдельных богословов, и Карл Барт тому яркий пример. Одно время, а именно в период возникновения исповедующей церкви и Барменской декларации веры (1934), Барт критически воспринимал экуменическое движение. Виссерт Хуфт, первый генеральный секретарь ВСЦ и современник Барта предполагает, что Барт очень болезненно отреагировал на воззвание экуменической конференции в Оксфорде (1937)^[38], которая вместо того, чтобы солидаризироваться с Исповедующей церковью обратилась к Евангелической Церкви Германии, которая поддерживала в то время нацистский режим.^[39]

Однако во время работы первой секции Ассамблеи в Амстердаме Барт был отмечен своей конструктивной

^[35] «Wir beten für die Erneuerung der Kirche, indem wir für ihre Einheit beten. Indem Christus uns durch Seinen Geist reinigt, werden wir finden, dass wir zusammengeführt sind und dass es keinen Fortschritt in der Einheit gibt, wenn es nicht Einheit in Wahrheit und Heiligkeit gibt.» Там же, 34.

^[36] «Der Ökumenische Rat der Kirchen ist entstanden, weil wir bereit sind in unserem Herrn Jesus Christus einen gegenseitige Verantwortung für unsere Kirchen erkannt haben. Es gibt nur

einen Herrn und einen Leib, und deshalb dürfen wir uns bei unseren gegenwärtigen Trennungen nicht beruhigen.» Там же, 35.

^[37] Ср. там же, 140-151.

^[38] J.H. Oldham, *The Churches Survey Their Task. The Report of The Conference at Oxford, July 1937, On Church, Community and State.* London: Georg Allen&Unwin LTD 1938, 275-276.

^[39] Visser't Hooft, „Karl Barth and the Ecumenical Movement“, 134.

позицией. Вопреки своей резкой манере говорить и непримиримости в отстаивании своей позиции, Барт внёс предложение применить диалектический метод при составлении теста секции: «изолировать расхождения внутри сходств и затем, внутри самых сложных расхождений, подчёркивать остающиеся сходства».^[40] Этот метод нашёл одобрение в реакциях англиканина Майкла Рамсея и православного Георга Флоровского. Этот пример показывает возможность творческого совместного сотрудничества и взаимопонимания между представителями различных конфессий: здесь просматривается такая существенная черта экуменического движения как возможность творческого синтезирования богословских доктрин. Как и в случае с обращением Чарльза Брента на конференции в Эдинбурге в 1910 году, Барт переживает внутреннее обращение во время работы Ассамблеи в Амстердаме и становится сторонником экуменического движения.^[41]

Церковь свидетельствует о Божьем плане спасения

◆ Вторая важная тема Ассамблеи, заслуживающая внимания — это отношение Церкви к миссии. Текст совместной декларации не потерял своей актуальности и для современного поколения христиан. Эти заявления воспринимаются ещё более весомыми, когда мы понимаем, что это совместное заявление христиан, представлен-

ных различными конфессиями. Мы приведём цитату из заключительного текста секции «Церковь свидетельствует о Божьем плане спасения»:

«Две мировые войны потрясли устройство мира. Повсюду происходят социальные и политические сдвиги. Настроение многих людей колеблется между отчаянием, разочарованием и слепым безразличием. ... Человечество, призванное в его же интересах, жить в мире, кажется одержимым фанатическим влечением к самоуничтожению. Слово вера используется в новой связи. Для многих людей — это слово означает веру в новое общество, которое должно быть установлено на века и в котором будет реализовано счастье. Даже ввиду последних потрясений многие ещё верят, что современный человек может справиться со своей ситуацией благодаря разумному планированию. ... В это переходное время души миллион людей открыты для Евангелия больше чем в какое-либо время. Церковь видит таким мир. Какой же предстаёт церковь миру? Разрозненной церковью, которая предстаёт в разных её частях нерешительной, самовлюблённой и в стремлении играть Господа. Это церковь, которая утратила чувство действительности современной жизни и дальше пытается выйти навстречу миру с помощью языка и образа действий, которые были применимы двести лет тому назад...»^[42]

^[40] Собственный перевод. Оригинал: „that is to seek to isolate the disagreement within the agreements and then, within the most disagreement, to seek the underlying agreement which remains.“ Там же, 144.

^[41] Там же, 146.

^[42] «Zwei Weltkriege haben den Bau der Welt erschüttert. Überall wüten soziale und politische Beben. Die Stimmungen vieler Menschen

schwankt zwischen Verzweiflung; Enttäuschung und blinder Gleichgültigkeit. ... Die Menschheit, die durch ihre eigenes Interesse so klar dazu berufen, im Frieden zu leben, scheint immer noch von dem fanatischen Trieb zu gegenseitigen Vernichtung besessen zu sein. Das Wort Glauben wird in einem neuen Zusammenhang gebraucht. Für die meisten Menschen bedeutet es heute den Glauben an die neue

Этот текст очень открыто передаёт признание конфессий в их несостоятельности ответить на вызовы мира и похож на покаяние за то, что церковь больше представляла интересы господствующего класса и государства, чем заботилась о том, чтобы дать простому человеку надежду в быстро меняющемся мире.^[43]

Миссионерская задача Церкви звучит, согласно тексту, по-новому и актуально и для сегодняшней ситуации. Церковь должна достигать людей Евангелием в рамках их мест обитания и культуры. Текст второй секции делает так же ударение на интеграцию Евангелия в те решения, от которых зависят судьбы людей. Иными словами, здесь христиане призываются распознавать признаки времени, а именно увидеть, как Бог действует в истории, открывая церкви доступ к народам для проповеди Евангелия.^[44] В фокусе этого мышления мир представляется ареной действий Бога в направлении к спасению мира. Следовательно, церкви призываются заново открыть для себя дух пророчества. Выражение «дух пророчества» нередко встречается в

экуменических текстах, и означает отношение церкви к событиям в мире в перспективе Божьих действий.

Большое внимание текст уделяет роли прихожан в церкви: «Сегодня время прихожан».^[45] В этом призыве просматривается реальность исторических конфессий, где духовная роль проповеди Евангелия относилась к клирикам. Новое осмысление роли всех христиан в проповеди Евангелия не ограничивается рамками их жизни в церкви, а охватывает все сферы их жизнедеятельности: «для многих место для свидетельства Евангелия является их рабочее место. Служение христиан необходимо понять шире.

Разнообразие возможностей для свидетельства является как раз тем средством в руках Божьих, благодаря которому доносится богатство Евангелия в Его ответах на нужды человечества».^[46]

Аспект ответственности всех христиан за судьбу мира раскрывается в тексте в качестве нового подхода к единству церкви:

«Если мы всерьёз отнесёмся к этой всемирной задаче (евангелизация),

Gesellschaft, die jetzt ein für alle mal gegründet werden soll und in der das „Glück“ allemal verwirklicht wird. Sogar in der gegenwärtigen Verwirrung glauben noch viele, dass der Mensch durch kluges Planen seine Lage meistern kann. ... So sieht die Kirche die Welt. Was sieht die Welt oder was meint sie zu sehen, wenn sie auf die Kirche sieht? Es ist eine zertrennte Kirche und in ihren getrennten Teilen begegnet uns Zaudern, Selbstgefälligkeit oder das Verlangen, den Herrn zu spielen. Es ist eine Kirche, die weithin die Führung mit den massgebenden Wirklichkeiten des modernen Lebens verloren hat und die noch versucht, der modernen Welt

mit einer Sprache und Arbeitsweise zu begegnen, die vielleicht vor zweihundert Jahren angebracht war.» Lüpsen, 37-38.

^[43] Ср. Там же, 38.

^[44] Ср. Там же, 41.

^[45] Там же, 41.

^[46] «Für die meisten ist der Ort ihres Zeugnisses ihr täglicher Arbeitsplatz. ... Der Dienst des Christen muss in weitesten Sinne verstanden werden. Die Mannigfaltigkeit der Zeugnismöglichkeiten ist gerade ein Mittel in der Hand Gottes um den ganzen Reichtum des Evangeliums als seine Antwort auf alle Nöte der Menschheit kundzutun.» Lüpsen, 41.

мы придём необратимо к новому осмыслению наших разделений. ... Экуменическое движение теряет свою силу, если все церкви не будут молиться молитвой Христа «чтобы все они были одно. Как Ты, Отец, во Мне и Я в Тебе, пусть и они будут в Нас, чтобы мир пове-

*Мысль о спасении
человечества и миссии
христиан в плане спасения
являются главной
причиной, почему мысль
о единении христиан
никогда не исчезала и
не исчезнет из повестки
дня любой церкви.*

рил, что Ты послал Меня. ... Если Евангелие действительно говорить о жизни и смерти, то невыносимым нам представляется та мысль, что в этом мире может жить человек, ни разу не имевший возможность услышать и принять Евангелие».^[47]

Этими словами передаётся сознание и решимость всех участников работы над текстом не утратить из виду главную задачу Церкви Христа — проповедь Евангелия через единство. Текст акцентирует внимание на ожидании ниспослания силы Духа Святого для выполнения этой задачи.

Текст секции, посвящённой свидетельству Церкви в мире, открывает единодушие представителей различных конфессий в том, что касается

миссии Церкви. Церковь существует не ради самой себя, а является инструментом спасения этого мира.

Заключение

◆ Приведённый обзор избранных текстов может послужить свидетельством следующих признаков влияния Реформации на поиск христианского единства. Как в истории возникновения экуменического движения, так и в его изначальных декларациях, присутствует искренняя озабоченность и личная ответственность отдельных людей за судьбу этого мира в свете спасительного плана Бога.

Несмотря на то, что главная тема экуменического движения — это экклесиология, очевидно, что главным мотивом всё же остаётся сотериология. Мысль о спасении человечества и роль христиан в плане спасения являются главной причиной, почему мысль о единении христиан никогда не исчезала и не исчезнет из повестки дня любой церкви.

Следующая характерная особенность экуменического мировоззрения — это его глобальность. Инициаторы экуменического движения не мыслили узкими рамками конфессиональности, в этом, пожалуй, главная причина, почему русские православные и римско-католики проигнорировали учредительную ассамблею в Амстердаме.^[48] Инициаторы-экуменики мыслили категориями отношения спасения ко всему человечеству, не теряя из виду целостной картины мира, включая политику и изменения истории человечества. Церковь в контексте мышления Ассамблеи в Амстердаме — это новое творение, новое человечество в рамках старого творения. Церковь мыслилась в ранних экуменических

^[47] Там же, 42-43.

^[48] Ср. Karl Hartenstein, «The Third Way an Interpretation and Criticism of Amsterdam,» *International Review of Missions*, 38 no. 149 (Jan 1949): 77-88, 80.

текстах хотя и политическими категориями, но всё же не в отдалении от библейского образа — в образе единения христиан в одном едином Божественном сообществе, Божьем народе посреди всех наций мира. Однако в таком понимании церкви и заложен потенциал взаимного непонимания и неприятия многих христиан экуменического движения. Одно лишь представление о церкви как о новой нации, как о сообществе внутри человеческого мира, наводит на мысль о близости к политике и новой организации мира.

Здесь следует внести ясность, а именно, что организаторы-экуменики, хотя и были протестантами, но всё же представителями государственных конфессий (англикане, лютеране, пресвитериане). К тому же они были людьми своего времени и носителями имперского мышления. Это значит, что (безусловно, неосознанно) их восприятие миссии и евангелизации не были лишены патерналистского, даже колониального отношения к судьбе народов мира. Их вера и понимание места церкви в мире были неотделимы от жизни общества и мира, в котором они жили. В то же время необходимо воздать должное экуменическим инициаторам богословам в том, что они предвосхитили упразднение колониального устройства мира и поддерживали расцвет исторически новых национальных церквей.

Однако самое главное свидетельство экуменических начинаний в контексте реформаторского учения — это фактор личной веры и миссионерской ответственности перед Богом за Великое Поручение Христа, проповедовать

Евангелие все народам. Протестантское представление о выполнении этого поручения виделось в единении церкви. В одном из вводных докладов Ассамблеи в Амстердаме МакКэй (Президент Богословской Семинарии в Принстоне) сказал следующее: «Чтобы быть одной истинной церковью, церковь должна быть миссионерской и поклоняющейся церковью».^[49]

К сожалению, экуменическое движение не получило должного развития в настоящее время. Несмотря на это, выше приведённые тексты и примеры инициаторов экуменического движения могут послужить вдохновением и новым импульсом не столько для идеологии экуменизма, сколько для размышления над ответственностью всех христиан за церковь Христа перед лицом мира.

Библиография

Brent, Charles Henry, *The Inspiration of Responsibility, and Others*. New York: Longmans, Greeb and Co. 1915.

Brent, Charles, „The Call to Unity. The late Charles H. Brent,“ *The Ecumenical Review*. Volume 29, Issue 2 (April 1977): 162-166.

Gloede, Günter (Hrsg.), *Ökumenische Profile. Brückenbauer der einen Kirche*. Stuttgart: Evang. Missionsverlag GmbH 1961.

Lupsen, Focko (Hrsg.), *Amsterdamer Dokumente. Berichte und Reden auf der Weltkirchenkonferenz in Amsterdam 1948*. Erstes Beiheft zu der Halbmonatsschrift. Bethel bei Bielefeld: Evangelische Welt. Ev. Presseverb. für Westfalen und Lippe 1948.

Hooft, Visser't, „Karl Barht and the Ecumenical Movement“, *The Ecumenical Review*, 32 no. 2 Apr 1980, 129-151.

Oldham, J.H., *The Churches Survey Their Task. The Report of The Conference at Oxford, July 1937, On Church, Community and State*. London: Georg Allen&Unwin LTD 1938.

Robinson, William, „Evaluation of Amsterdam,“, *The Shane Quarterly*. Volume IX 1948. Theologische Realenzyklopädie, Band VII.

Zabriskie, Alexander C, *Bishop Brent. Crusade for Unity*. Philadelphia: The Westminster Press.,1948.

^[49] «Um eine wahre Kirche zu sein, muss die Kirche sowohl missionarische, als auch anbetende Kirche sein.» Lüpsen, 111.